

Завѣты молодому поколѣнію.

(Изъ книги А. Ѳ. Кони „Отцы и дѣти судебной реформы“. Къ пятидесятилѣтію Судебныхъ Уставовъ 1864—1914).

Есть мысли, дѣйствіе которыхъ болѣе глубоко и продолжительно, чѣмъ это можно предвидѣть въ минуты ихъ появленія; есть книги, содержаніе которыхъ шире и значительнѣе ихъ предполагаемой, ближайшей цѣли. Къ такого рода книгамъ относится вышедшій на дняхъ сборникъ очерковъ А. Ѳ. Кони о составителяхъ Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г. и дѣятеляхъ судебной реформы ¹⁾. По словамъ автора, онъ имѣлъ въ виду дать „посильное оживленіе представленія о времени введенія судебной реформы и ея пионерахъ“, однако матеріалъ, включенный имъ даже и въ эти юбилейные очерки, представляетъ собою итоги богатѣйшаго опыта не только судебного дѣятеля, но также и ученаго, художника-писателя, не ограничившагося областью одной спеціальности, а соприкасавшагося всѣми гранями своей души съ разнообразными явленіями русской жизни за многія десятилѣтія. Дарованія А. Ѳ. Кони и самое главное изъ нихъ, по извѣстному выраженію „человѣческой талантъ“,—хорошо извѣстны нашему обществу; здѣсь намъ хотѣлось бы лишь упомянуть о рѣдкомъ свойствѣ его, какъ писателя,—обладаніи въ равной мѣрѣ „памятью“, какъ ума, такъ и „сердца“. Мало кому также дано соединить въ себѣ умъ мыслителя, умѣніе проникнуть въ глубь вещей и познать человѣка съ сердечною теплотою и свѣжестью чувства, не утраченными за рядъ годовъ, полныхъ далеко не однѣми

¹⁾ Настоящій сборникъ образовался изъ тѣхъ очерковъ, которые были помѣщены, между прочими статьями, въ его же книгахъ: „Очерки и воспоминанія“, „За послѣдніе годы“ и „На жизненномъ пути“ и здѣсь дополнены предисловіемъ и послѣсловіемъ.

только радостями. Обращаясь своимъ духовнымъ взоромъ къ прошлому, А. Ѳ. Кони даетъ намъ въ своихъ воспоминаніяхъ страницы глубокаго общественнаго смысла и художественнаго значенія, за которыми, безъ преувеличенія, можно признать одно изъ лучшихъ мѣстъ въ русской мемуарной литературѣ.

Мы отсылаемъ читателя къ самой книгѣ, а въ этой замѣткѣ попытаемся дать лишь общее о ней понятіе для тѣхъ, кто почему-либо будетъ лишенъ возможности лично съ ней знакомиться.

„20 ноября настоящаго года, говоритъ авторъ въ предисловіи, исполняется пятидесятилѣтіе со дня обнародованія Судебныхъ Уставовъ. Эти Уставы были плодомъ возвышеннаго труда, проникнутаго сознаниемъ отвѣтственности составителей ихъ передъ Россіей, жаждавшей правосудія въ его дѣйствительномъ значеніи и проявленіи. Это былъ трудъ сложный, самостоятельный и многосторонній, въ одно и то же время критическій и созидательный,—трудъ исполненный довѣрія къ духовнымъ силамъ русскаго народа и его способности пріять новыя учрежденія съ живымъ сочувствіемъ и непосредственнымъ въ нихъ участіемъ. Въ этомъ смыслѣ работы *отцовъ* Судебныхъ Уставовъ — настоящій памятникъ ихъ любви къ родинѣ“... „Первые дѣятели новаго суда „со страхомъ Божиимъ и вѣрою“ смотрѣли на свое служеніе Судебнымъ Уставамъ,—видѣли въ нихъ своего рода „скинію завѣта“ и съ благоговѣйнымъ одушевленіемъ стремились примѣнить ихъ къ жизни. Между ними и творцами этихъ Уставовъ была живая связь,—они старались проникнуть въ мысль и глубину намѣреній послѣднихъ и своимъ поведеніемъ при отправленіи правосудія осуществить тѣ этическія требованія, которыя слышались и чувствовались за статьями новаго закона. Какъ нельзя отдѣлить, поэтому обнародованія Судебныхъ Уставовъ отъ введенія ихъ въ дѣйствіе и первыхъ шаговъ тѣхъ, кто имѣлъ счастье быть призваннымъ къ осуществленію высокихъ началъ, которыми они были проникнуты,—такъ, вспоминая это время, нельзя отдѣлить работы отцовъ судебной реформы отъ дѣятельности *дѣтей*, т. е. ихъ ближайшихъ учениковъ и практическихъ приложителей этой реформы къ жизни...

Автору настоящаго сборника выпалъ завидный жребій знать лично и по службѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ *отцовъ* и многихъ изъ *дѣтей* — и посвятить имъ въ разное время приводимыя здѣсь воспоминанія. Не всѣ изъ этихъ „поминокъ“ относятся къ дѣтелямъ первыхъ шаговъ судебной реформы, во введеніи

которой въ Петербургскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ судебныхныхъ округахъ ему пришлось участвовать въ 1866, 1867, 1870 годахъ, но ему казалось умѣстнымъ помѣстить очерки, относящіеся къ нѣкоторымъ судебнымъ дѣателямъ позднѣйшаго времени, на служеніи которыхъ Судебнымъ Уставамъ явно отразились завѣты и направленіе творцовъ судебной реформы.

„Книга посвящается молодымъ судебнымъ дѣателямъ, съ горячимъ желаніемъ, чтобы они, въ своемъ служеніи родному правосудію на почвѣ Судебныхъ Уставовъ, умѣли проникнуться идеями *отцовъ* и примѣромъ *дѣтей*.

Эти уставы были выработаны не для пустого пространства. Будучи вызваны требованіями самой жизни, къ ея потребностямъ они и должны примѣняться. Въ основу многаго въ нихъ были вложены широкія и твердыя упованія, но не предшествующій опытъ, за невозможностью его полученія и провѣрки. Поэтому обнаруженіе и исправленіе нѣкоторыхъ частичныхъ въ нихъ недостатковъ не только возможно, но было и неизбежно. Добросовѣстная критика *частностей*—можетъ только содѣйствовать внѣдренію въ общественный и государственный укладъ тѣхъ *общихъ* началъ, которыя были, съ глубокимъ сознаніемъ ихъ важности, заложены въ фундаментъ Уставовъ. Но это допустимо лишь при соблюденіи вниманія и уваженія къ трудамъ и завѣтамъ *отцовъ* Судебныхъ Уставовъ, съ безусловнымъ сохраненіемъ во всемъ новомъ или измѣняемомъ основѣ истиннаго правосудія и возвышающей ихъ человѣчности. Этого требуютъ память о лучшихъ дняхъ нашего общественнаго прошлаго и вѣра въ дальнѣйшее духовное и гражданское развитіе родины.

Пусть будетъ дано немногимъ, еще оставшимся въ живыхъ, съ благоговѣйнымъ упованіемъ привѣтствовавшимъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ появленіе Судебныхъ Уставовъ и радостно шедшимъ имъ на служеніе—получить возможность, глядя на образъ дѣствій и трудъ *молодыхъ* судебныхъ дѣателей, повторить имъ историческія слова: „въ новизнѣ вашей намъ старина наша слышится“!..

Статья о Д. А. Ровинскомъ, которою начинается собраніе очерковъ, представляетъ собою единственную до сихъ поръ монографію объ этомъ своеобразномъ, выдающемся человѣкѣ, дѣятельность котораго равноцѣнна въ области суда, науки, права и исторіи русскаго искусства. Здѣсь, какъ и въ другихъ очеркахъ, собрано много фактовъ изъ прошлаго нашего суда и общества, яркихъ и запоминающихся. Ровинскій, сдѣлавъ

шись губернскимъ прокуроромъ, когда ему было еще только 29 лѣтъ, принесъ на эту должность всю свою молодую жизненность и отзывчивость. Много огорченій, волненій и горькихъ минутъ сознанія своего безсилія предъ буквальнымъ приложеніемъ безжизненнаго закона въ вопіющимъ явленіямъ жизни пережилъ Ровинскій въ бытность свою на этой должности.

Губернскій прокуроръ могъ быть, если хотѣлъ, вліятельнымъ лицомъ и въ тюремномъ управленіи. Ровинскій предавался этой сторонѣ своей служебной дѣятельности съ горячимъ усердіемъ и любовью. Примѣръ трогательнаго человѣколюбца, тюремнаго доктора Ѳ. П. Гааза, отдавашагося всецѣло дѣлу помощи заключеннымъ, утѣшеніи ихъ и заботѣ о нихъ, вызывалъ въ Ровинскомъ глубоко-сочувственное къ себѣ отношеніе и въ словѣ и въ дѣлѣ. Впослѣдствіи, въ официальныхъ запискахъ по поводу тюремной реформы и судебного преобразования, онъ не разъ съ особымъ уваженіемъ указывалъ на дѣятельность Гааза, девизомъ котораго были удивительныя по своей простотѣ и глубинѣ слова: „спѣшите дѣлать добро“. Еще будучи губернскимъ стряпчимъ, Ровинскій постоянно посѣщая засѣданія тюремнаго комитета, былъ очевидцемъ замѣчательнаго и памятнаго ему столкновенія Гааза съ предсѣдателемъ комитета, знаменитымъ митрополитомъ Филаретомъ, изъ-за арестантовъ. Филарету наскучили постоянныя и, быть можетъ, не всегда строго провѣренныя, но вполне понятныя при старомъ строѣ суда, ходатайства Гааза о предствательствѣ комитета за „невинно осужденныхъ“ арестантовъ.—„Вы все говорите, Ѳеодоръ Петровичъ,—сказалъ Филаретъ,—о невинно-осужденныхъ... Такихъ нѣтъ. Если человѣкъ подвергнутъ карѣ, значитъ, есть за нимъ вина“... Вспыльчивый и сангвинистическій Гаазъ вскочилъ съ своего мѣста... „Да вы о Христѣ позабыли, владыка!“—вскричалъ онъ, указывая тѣмъ и на черствость подобнаго заявленія въ устахъ архипастыря, и на евангельское событіе—осужденіе Невиннаго.

Всѣ смутились и замерли на мѣстѣ: такихъ вещей Филарету, стоявшему въ исключительно вліятельномъ положеніи, никогда еще и никто не дерзалъ говорить въ глаза! Но глубина ума Филарета была равносильна сердечной глубинѣ Гааза. Онъ поникъ головой и замолчалъ, а затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ томительной тишины, всталъ и, сказавъ „нѣтъ, Ѳеодоръ Петровичъ! когда я произнесъ мои поспѣшныя слова, не я о Христѣ позабылъ,—Христосъ меня позабылъ“!.. благословилъ всѣхъ и вышелъ.

Каждую субботу и праздникъ объѣзжалъ Ровинскій разнообразныя московскія тюремныя помѣщенія и тщательно обходилъ пересыльную тюрьму и губернскій замокъ въ сопровожденіи страпчихъ и секретарей мѣстныхъ—уголовной палаты, магистрата и надворнаго суда, разрѣшая жалобы арестантовъ, пробуя ихъ пищу и тутъ же, на мѣстѣ, наводя справки по дѣламъ и ускоряя послѣднія. Простота въ обращеніи привлекала къ нему всѣхъ, а по отношенію къ должностнымъ лицамъ его настойчивыя просьбы („батюшка! ну, сдѣлайте это для меня,—двиньте вы это дѣло въ личное для меня одолженіе“ говаривалъ вліятельный прокуроръ секретарямъ судовъ) приобрѣтали характеръ требованій, которыхъ нельзя было не исполнить.

Въ эпоху взяточничества и всякаго темнаго своекорыстія, личность московскаго губернскаго прокурора, всегда скромно и почти бѣдно одѣтаго, вѣчно занятаго живымъ дѣломъ, а не отписками у себя въ камерѣ, все знающаго и „видящаго насквозь“ производила глубокое нравственное впечатлѣніе на окружающихъ. Ему было трудно отказать въ его просьбахъ, его было совѣстно не слушаться, да и „втереть ему очки“ нечего было и думать. Вѣрный завѣтамъ Гааза, Ровинскій съ успѣхомъ продолжаетъ хлопоты о сокращеніи числа лицъ, подвергаемыхъ тягостному бритью половины головы въ предупрежденіе побѣговъ; изъ его записки о тюремныхъ помѣщеніяхъ Московской губерніи, проникнутой человѣчностью, сквозитъ, несмотря на крайнюю скромность автора, рядъ облегчительныхъ мѣръ, предпринятыхъ по его распоряженію съ цѣлью улучшить бытъ арестантовъ, выведя ихъ изъ пагубной праздности и вооруживъ ихъ для послѣдующей жизни хоть какимъ-нибудь практическимъ знаніемъ... Особенное вниманіе обращалъ онъ на „частныя дома“ съ ихъ такъ называемыми „сѣзжими“. Тамъ почти постоянно можно было найти арестованныхъ безъ всякаго законнаго основанія; тамъ было мѣсто примѣненія личной расправы съ людьми, отпускаемыми затѣмъ безъ всякаго суда,—тамъ, наконецъ, производилась знаменитая, глубоко вошедшая въ тогдашніе нравы „сѣкуція“. Въ доброе старое время, вспоминаетъ Ровинскій въ „Русскихъ народныхъ картинкахъ“,—„сѣкуція“ производилась въ частныхъ домахъ по утрамъ; части Тверская и Городская, въ Москвѣ, славились своими исполнителями; пороли всѣхъ безъ разбора: и крѣпостному лакею за то, что не накормилъ во-время барынину собачку, выплютъ сотню, и расфранченной барышниной камердинершѣ

за то, что баринъ дѣласть ей глазки—и той всыплють сотню:—барыня-де особенно попросила частнаго, никому не было спуска, да и не спрашивали даже, кто въ чемъ виновать,—присланъ поучить, значить, и виновать—ну, и дери кожу. Хорошее было время: стоишь и крики стояли въ воздухѣ кругомъ часто цѣлое утро; своего рода хижина дяди Тома, да не одна, а цѣлые десятки. Если Городская и Тверская части пріобрѣли себѣ особенную славу по части тѣлесныхъ наказаній, то Басманный частный домъ отличился въ другомъ отношеніи. Тамъ негодующій Ровинскій нашель семь, немедленно имъ уничтоженныхъ, подвальныхъ темницъ, куда никогда не проникалъ лучъ свѣта. Онѣ назывались „могилами“ и въ нихъ разстраивали себѣ зрѣніе и даже слѣпли (между прочими почетный гражданинъ Соповъ) люди, числившіеся „за приставомъ“. Въ другой изъ московскихъ частей непрошенная любознательность губернскаго прокурора открыла спеціальнѣйшій „клоповникъ“ для арестованныхъ со всѣми его необходимыми принадлежностями.

Изданіе давно и страстно ожидаемаго Ровинскимъ положенія объ учрежденіи судебныхъ слѣдователей, исключительно предназначенныхъ для исполненія слѣдственныхъ обязанностей, и обнародованіе „наказа судебнымъ слѣдователямъ“ было важнымъ шагомъ къ возможному, при существованіи старыхъ судовъ, упорядоченію этой части. Являлась возможность сдѣлать призывъ къ молодымъ, еще не испорченнымъ рутинною и соблазнами жизни, людямъ, въ способность которыхъ къ горячему и безкорыстному труду въ то время такъ охотно, такъ любовно вѣрилось... Рѣчь Ровинскаго, сказанная созваннымъ имъ къ себѣ вновь назначеннымъ слѣдователямъ, полна практическихъ замѣчаній и смѣлой критики недавняго еще отношенія законодательства къ обществу, порождавшаго въ послѣднемъ сначала недоувѣріе, а потомъ полное равнодушіе,—была своего рода расчетомъ съ начинающимися разлагаться судебными порядками и завѣтомъ для будущаго.

Указывая, что общество только тогда повѣритъ, что подъ вновь придуманными формами не скрываются недостатки прежняго слѣдствія, когда почувствуетъ исключительную пользу отъ новаго учрежденія, Ровинскій сказалъ своимъ слушателямъ: „Большая часть изъ васъ, господа, только-что окончила образованіе. Вы еще не опыты въ дѣлѣ. Но намъ дорога Ваша неопытность. Вы не привыкли еще видѣть въ арестантѣ нѣмую цифру, которую чиновники съ такимъ стараніемъ сбываютъ другъ другу. Для васъ всякое дѣло еще такъ ново и полно

жизни. Опытности вамъ научиться недолго, если вы рѣшитесь вполне отдаться вашему дѣлу.

„Съ вами подѣлятся ею тѣ изъ вашихъ товарищей, которые знакомы со службой. Вы же, въ свою очередь, подѣлитесь съ ними тѣмъ первымъ и дорогимъ жаромъ молодости, съ которымъ такъ спорится всякая работа. Помогайте другъ другу, господа, наблюдайте другъ за другомъ, не дайте упасть только-что начатому дѣлу, *будьте людьми*, господа, *а не чиновниками!* Опирайтесь на законъ, но объясняйте его разумно, съ цѣлью сдѣлать добро и принести пользу. Домогайтесь *одной награды*: добраго мнѣнія общества, которое всегда отличить и оцѣнить трудъ и способности. Можетъ быть черезъ нѣсколько лѣтъ служба еще разъ соберетъ насъ вмѣстѣ,—дай Богъ, чтобы тогда вы могли сказать всѣмъ и каждому:

„Что вы служили дѣлу, а не лицамъ.

„Что вы старались дѣлать правду и приносить пользу.

„Что вы были прежде всего людьми, господа, а уже потомъ чиновниками“...

„Какъ въ краткую лѣтнюю сѣверную ночь одна зоря спѣшитъ смѣнить другую, такъ въ незабвенные годы, ознаменованные новымъ царствованіемъ, зорю отмѣны рабства смѣняла зоря настоящаго правдиваго и вмѣстѣ милосерднаго суда. Ее привѣтствовалъ Ровинскій въ своей рѣчи... Эта рѣчь была и лучшимъ и послѣдовательнымъ заключеніемъ его служенія старому суду“...

Большую роль сыгралъ Ровинскій, когда возникъ споръ о возможности введенія въ Россіи суда присяжныхъ. „Ему принадлежитъ огромная заслуга прямой и твердой постановки этого вопроса. Онъ первый изъ лицъ, призванныхъ высказаться относительно судебного преобразованія, раньше всѣхъ имѣлъ рѣшимость сказать, что если хотѣтъ имѣть не впадающій въ рутину судъ по совѣсти, то надо безъ колебаній обратиться къ *учрежденію суда присяжныхъ*. Его труды и заявленія въ этомъ отношеніи имѣютъ одну драгоцѣнную особенность. Возражая противникамъ суда присяжныхъ и развивая свои взгляды, онъ даетъ возможность прослѣдить самый *генезисъ* этихъ взглядовъ, чуждыхъ заимствованій и построенныхъ на знаніи прошлаго русскаго народа, на уваженіи къ его духовнымъ силамъ и довѣрїи къ ихъ развитію. Особенно сильнымъ противникомъ суда присяжныхъ былъ, въ своей объяснительной запискѣ, графъ Блудовъ“... „Ровинскій пошелъ въ своихъ возраженіяхъ шагъ за шагомъ по пути, которымъ шелъ Блудовъ. Прежде всего

онъ остановился на непризнаніи за русскимъ народомъ способности со справедливою строгостью смотрѣть на преступленіе. „Чтобы нашъ народъ смотрѣлъ на преступленіе снисходительно и признавалъ преступника *только несчастнымъ*, то предположеніе это,—писалъ Ровинскій въ запискѣ объ устройствѣ уголовного суда,—противорѣчитъ всѣмъ извѣстному факту, что преступники, пойманные народомъ на самомъ мѣстѣ преступленія, поступаютъ въ руки полиціи не иначе, какъ избитые и изувѣченные. На этомъ основаніи можно бы обвинить народъ скорѣе въ противоположномъ; но и это будетъ несправедливо,—народъ бьетъ пойманнаго преступника просто въ видѣ наказанія, и потому единственно, что не имѣетъ никакого довѣрія *ни къ добросовѣстности полиціи*, которая можетъ замѣть дѣло, *ни къ правосудію* судей, которые на точномъ основаніи теоріи уликъ и совершенныхъ доказательствъ могутъ освободить гласнаго преступника отъ всякаго взысканія“. „Что народъ смотритъ съ состраданіемъ на преступника, уже наказаннаго плетью и осужденнаго на каторгу и ссылку, и, забывая все сдѣланное имъ зло, несетъ ему щедрыя подаванія вещами и деньгами — это правда. Что народъ жалѣетъ подсудимыхъ, просиживающихъ на основаніи теоріи и уликъ и доказательствъ годы и десятилѣтія, въ явное разореніе своего семейства и государственной казны—и это правда. За это состраданіе слѣдовало бы скорѣе признать за народомъ *глубокое нравственное достоинство*, нежели обвинять его въ недостаткѣ юридическаго развитія“... „Эти прекрасныя строки, говоритъ А. Ѳ. Кони, проникнуты искреннимъ чувствомъ, знаніемъ народа и любовью къ нему, полезно было бы вспоминать почаще и въ наше время, пятьдесятъ лѣтъ спустя, когда по поводу какого-нибудь дурно понятаго оправдательнаго приговора, съ легкомысленною поспѣшностью въ обобщеніяхъ, народу ставится кстаті въ упрекъ и такое проявленіе его сострадательности, которое даетъ право гордиться за него.

Жизнь Ровинскаго, исполненная вдумчивой наблюдательности и изученія, давала ему фактическія основанія высказывать свой взглядъ на причины такого отношенія народа къ осужденному. Въ его „Русскихъ народныхъ картинкахъ“ есть цѣлый рядъ интереснѣйшихъ замѣчаній, посвященныхъ тѣмъ причинамъ, по которымъ въ народѣ вѣками выработалось милосердное отношеніе къ наказанному преступнику и вообще „къ заключенному“.

А. Ѳ. Кони подробно разбираетъ и оцѣниваетъ участіе Р. въ

**ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
РОВИНСКІЙ.**

Участникъ въ составленіи, Судебныхъ Уставовъ.
Первый Прокуроръ Московской Судебной Палаты.
(1824—1895).

Въ предстоящему 50-ти лѣтію Судебной реформы.

судебной реформѣ и всю его дальнѣйшую плодотворную дѣятельность, дополняя очеркъ прекраснымъ обзоромъ работъ Р. по исторіи графическихъ искусствъ; изъ обзора этого интересно, между прочимъ, привести слѣдующую отмѣтку въ „Подробномъ словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ“, о Елисаветѣ Петровнѣ. Представляя рядъ портретовъ граціозной, жизнерадостной и цвѣтущей здоровьемъ императрицы, Ровинскій замѣчаетъ, что рядомъ съ танцами, которые она страстно любила, и французскими нарядами, которыхъ у нея было нѣсколько тысячъ, Елисавета „за стѣнами своего дворца вела настоящую русскую политику“, результатомъ которой было обращеніе Кенигсберга въ русскій областной городъ, чеканка въ немъ русской монеты, даже учрежденіе духовной миссіи съ архимандритомъ изъ города Данкова, при чемъ въ 1760 г. былъ составленъ проектъ окончательнаго присоединенія восточной Пруссіи къ Россійской имперіи, на которомъ Елисавета написала 30 апрѣля того же года: „быть по сему“, оставивъ за собою право „удобныя средства искать по соглашенію съ республикою Польскою, любовнымъ соглашеніемъ и ко взаимному обѣихъ сторонъ удовольствію, сдѣлать о семъ королевствѣ другое опредѣленіе“. Смерть императрицы въ 1761 г. и вступленіе на престолъ Петра III, воспитаннаго въ презрѣніи ко всему русскому и въ слѣпомъ поклоненіи Фридриху II, измѣнили все это.

Говоря о появленіи новыхъ судовъ и общественной атмосферѣ того времени, А. Ө. Кони вспоминаетъ:

„Тѣ, кто пережилъ это время и первые мѣсяцы, непосредственно за нимъ слѣдовавшіе, не могутъ ихъ забыть. Довѣріе къ своимъ силамъ, свѣтлый взглядъ на будущее, убѣжденіе въ томъ, что введенный порядокъ является образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ, — одушевляло всѣхъ первыхъ дѣятелей новаго суда. Новой дѣятельности были отдаваемы всѣ силы безкорыстно и не безъ личныхъ жертвъ, ибо были люди, оставлявшіе и болѣе обезпеченныя служебныя положенія, чтобы только принадлежать къ судебному вѣдомству. Вице-директоры шли въ члены палаты, губернаторы въ предсѣдатели окружнаго суда. Первое время никто, впрочемъ, и не смотрѣлъ на занятіе новыхъ должностей, какъ на обычную, рядовую службу. Это была дѣятельность, задача, призваніе. Это была первая любовь. Такая любовь существуетъ не только въ личной жизни человѣка, но и въ общественной его жизни; и тутъ и тамъ она, войдя первою въ сердце, послѣднею выходитъ изъ памяти... Это была

первая общественная любовь для многихъ... И какія бы недоумѣнія, испытанія и разочарованія въ себѣ и въ другихъ ни принесла впоследствии жизнь—чувство, одинаково охватившее въ тѣ незабвенные дни и молодого, начинающаго дѣятеля, и человѣка зрѣлаго, призванныхъ къ новой, неизвѣданной и отвѣтственной судебной службѣ,—навѣрное, не забылось ими и издалика свѣтитъ ихъ душѣ и грѣетъ ее...

Современное молодое поколѣніе не извѣдало этого чувства; для него „судебное вѣдомство“ есть одно изъ ряда вѣдомствъ, въ двери котораго можно постучаться, вступая въ служебную жизнь, и только. То горделивое увлеченіе, съ которымъ относились тогда новые судебные дѣятели къ своему дѣлу, то иногда преувеличенное мнѣніе, которое они имѣли о значеніи своего служебнаго положенія, вызываютъ теперь, когда яркая пестрота первоначальныхъ красокъ смѣнилась сѣрымъ колоритомъ будничной жизни, невольную улыбку. Но не иронія видится въ ней, а невольное сожалѣніе о томъ, что „тѣмъ низкихъ истинъ“ такъ скоро и прочно смѣнили „насъ возвышающій обманъ“...

Не имѣя возможности передать хотя бы и краткое содержаніе интереснѣйшихъ очерковъ о главномъ изъ творцовъ судебныхъ уставовъ—С. И. Зарудномъ, о Н. И. Стояновскомъ, Н. А. Буцковскомъ, Д. Н. Замятнинѣ и др., статьи о мировыхъ судьяхъ (воспоминанія), о кн. А. И. Урусовѣ и Ѳ. Н. Плевако о старомъ и новомъ судѣ въ изображеніи И. Ѳ. Горбунова, мы обратимся теперь къ заключительнымъ строкамъ изъ вновь написаннаго послѣсловія, гдѣ высокочтимый авторъ высказываетъ свой взглядъ на судьбу Судебныхъ Уставовъ.

„Кое-гдѣ въ новые мѣха просочилось старое вино, кое-кто преждевременно устааетъ и утрачиваетъ широту и независимость взглядовъ,—органическая связь между отдѣльными судебными учрежденіями слабѣетъ, рутина то тутъ, то тамъ пытается усѣсться на мѣстѣ живого дѣла, быстрота производства замѣняетъ глубину и достоинство спокойствія, — иногда служеніе призванію уступаетъ стремленію къ служебному повышенію,—чуждая правосудію „злоба дня“ просачивается въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ отправленіе послѣдняго, и подчасъ образъ *судебнаго дѣятеля* затемняется образомъ *судейскаго чиновника*.“

Судебные Уставы явились своего рода островкомъ среди текущей дѣйствительности съ ними несогласованной,—явились своего рода *insula in flumine nata*. Ихъ духу и смыслу была противоположна и часто упорно противопоставляема неподвиж-

ная въ своей организаціи, застарѣлыхъ источникахъ и приемахъ усмотрѣнія администрація,—имъ оставалось чуждо огромное крестьянское населеніе, осужденное на то, что можно назвать самобезсудіемъ, — на нихъ сыпались всякія измѣненія въ мѣропріятіяхъ при политической смутѣ. На этомъ островкѣ пятьдесятъ лѣтъ назадъ, былъ зажженъ впервые, какъ маякъ огонь настоящаго правосудія. Но когда наступили тяжелыя времена, и волны вражды и вольнаго и невольнаго невѣжества стали заливать берега этого островка, отрывая отъ него кусокъ за кускомъ, съ него стали повторяться случаи бѣгства на болѣе спокойный, удобный и выгодный старый материкъ, а число тѣхъ, кто съ прежней вѣрой, но съ колеблющеюся надеждой, поддерживалъ огонь и проливаемый имъ свѣтъ, загораживая его собою отъ вѣтра, стало замѣтно уменьшаться. Для нихъ, вслѣдствіе пагубнаго невнанія миеологіи, Оемида была, какъ выразился Снасовичъ, „Афродитой, вышедшей изъ пѣны морской“. Но, несмотря на то, что враги и ложные друзья искажали ея чарующій образъ, и что ея станъ согнулся, чистое чело покрылось морщинами, и здоровый цвѣтъ лица смѣнился чахоточнымъ румянцемъ, это меньшинство оставалось ей вѣрнымъ, потому что и въ частной и общественной жизни первая любовь, вошедшая въ сердце, послѣднею выходитъ изъ памяти. Въ послѣднія десятилѣтія намѣченные первоначально типы судебныхъ дѣятелей блѣднѣютъ и искажаются, и за ихъ чертами, уже не ясными, видѣются другія черты, чуждыя идеалу отцовъ Судебныхъ Уставовъ, часто неудачно заимствованныя отъ худшихъ чужеземныхъ образцовъ, несвойственныхъ природѣ русскаго человека.

Встрѣчаются случаи, когда съ предсѣдательскаго мѣста раздаются властные замѣчанія и заявленія, нежелательныя даже въ устахъ представителей состязующихся сторонъ; когда государственные обвинители, забывая начертанную уставами роль *юворящаю суды*, замѣняютъ спокойствіе доводовъ нервною страстностью и, искажая свою задачу, не брезгаютъ недостойными своего званія выходками противъ подсудимыхъ и свидѣтелей, обращая обвиненіе не въ служеніе самодовлѣющей *цѣли* правосудія, а въ *средство* постороннихъ послѣднему соображеній. Не менѣе печальныя явленія замѣчаются и въ адвокатурѣ, гдѣ встрѣчаются случаи, когда нравственное чувство лучшей части общества со справедливой тревогой вынуждено осуждать приемы уголовной защиты, направленные къ тому, чтобы защиту преступника обратить въ защиту *преступленія*, при чемъ потер-

пѣвшаго и виновнаго, искусно извращая нравственную перспективу дѣла, заставляють помѣняться ролями. Такую тревогу и сопряженное съ нею уже несправедливое обобщеніе вызываютъ и тѣ случаи, когда широко оплаченная ораторская помощь отдается въ пользованіе притѣснителю беззащитныхъ, развратителю невинныхъ и расхитителю чужихъ сбереженій, или когда дѣйствительные интересы обвиняемаго приносятся въ жертву эгоистическому желанію возбудить шумное вниманіе къ *своему* имени.

Будущее Судебныхъ Уставовъ зависить не только отъ правомѣрной дѣятельности органовъ и охранителей правосудія отъ высшихъ и до низшихъ, но и въ отношеніи къ своимъ нравственнымъ обязанностямъ тѣхъ, кто будетъ посвящать себя судебной дѣятельности въ ея различныхъ проявленіяхъ. Имъ слѣдуетъ помнить о необходимости обезпечить себѣ въ будущемъ свѣтлыя минуты душевнаго удовлетворенія. Онѣ бывають тогда, когда на закатѣ своей трудовой жизни, вспоминая отдѣльные ея эпизоды, судебный дѣятель имѣеть возможность сказать себѣ, что ни голосъ страсти, ни постороннія вліянія, ни личныя соображенія, ни шумъ и гулъ общественнаго возбужденія—ничто не заглушало въ немъ сокровеннаго голоса совѣсти, не измѣняло его *искренняю* убѣжденія и не свело его съ указаннаго Судебными Уставами пути дѣйствительнаго правосудія.

Вотъ почему настоящая книга посвящена *молодымъ судебнымъ дѣятелямъ*. Въ нихъ, во *внукахъ*, такъ хочется видѣть людей, которые проникнутся завѣтами *отцовъ* и примѣромъ *дѣтей*“...

По поводу невольныхъ сожалѣній автора можно вспомнить его же слова изъ другого мѣста той же книги, гдѣ, говоря о возведеніи величаваго зданія Судебныхъ Уставовъ, онъ выражается слѣдующими вдохновенными словами:

„Когда оно воздвигалось — скороспѣлые и невѣжественные порицатели стали находить, что въ новый храмъ правосудія внесены чуждыя прежнему культу изображенія иновѣрныхъ божествъ. Да, это такъ... Эти божества назывались — равноправностью, уваженіемъ къ человѣческому достоинству, гласностью, открытою защитой, независимостью судей и т. д. Такъ было и въ римскомъ Пантеонѣ. И его гармоническія мраморныя стѣны принимали въ свои нѣдра изображенія, свойственныя чуждымъ суровому Риму культамъ, и къ этимъ стѣнамъ, искажая ихъ классическую красоту, пристраивались впослед-

ствіи рѣжущія глазъ башенки... Но ихъ потомъ сняли, и чудный куполь, съ яркимъ круглымъ отверстіемъ въ синее небо, по-прежнему наполняетъ душу вошедшаго благодарнымъ восхищеніемъ предъ строителемъ храма. То же будетъ и со зданіемъ Судебныхъ Уставовъ, пока основныя ихъ начала будутъ неприкосновенны. Пускай внутри зданія, за время его существованія, кое-что передвинуто и сломано, а внѣ его—кое-что и пристроено—оно все еще хранитъ въ себѣ глубокую мысль строителя и черезъ его куполь, сведенный надъ его основами, все еще свѣтитъ голубое небо высокихъ идеаловъ“!.. Что касается *внуковъ*, то молодому поколѣнію остается точно также привести А. Ө. Кони его же надежды, высказанныя въ другомъ мѣстѣ. „Провидѣніе ведетъ нашу родину дорогою тяжелыхъ испытаній, но пути къ проявленію силъ и способностей по немногу все-таки расширяются. Поэтому должны, не могутъ не явиться новые ихъ носители! Они *были*, и хочется думать, что Тургеневскій Уваръ Ивановичъ, поигравъ перстами и задумчиво поглядѣвъ вдаль, скажетъ еще разъ: „будутъ“!

Мы назвали нашу замѣтку „завѣтами молодому поколѣнію“; это потому, что книга эта нужна не только молодымъ „судебнымъ“ дѣятелямъ. Она нужна всѣмъ, кому дорога наша общественная жизнь, ея нравственное и духовное развитіе.

В. Я.

